

Игорь Лободин

Перепелка во ржи

Что там шумит,
Что там звенит издалека
Рано перед зорями?..
«Слово о полку Игореве»

Летом сорок третьего года в бою под Орлом на ржаном поле, изуродованном танками и взрывами, обмолоченном тысячами солдатских сапог, был убит рядовой Иван Жилин.

Вечером, накануне наступления, он рыл окоп вблизи замаскированной пушки, вслушиваясь, как полковой почтальон, невидимый в кругу солдат, весело выкликивал фамилии адресатов. В соседнем окопе уже кто-то читал вслух очередное письмо лейтенанту Дронникову, погибшему еще под Волоколамском, уже поредела толпа, когда Жилин, боясь ослышаться, угадал свою фамилию, которую почтальон выкрикнул, как и остальные — весело.

Сбоку кто-то протянул Жилину полураскрытый мятый треугольник, прибавил глухим голосом:

— Последнее, браток...

На батарее каждый знал, что последнее письмо считалось несчастливый, что почтовую брезентовую сумку порою трясали и подкидывали на руках вместе с почтальоном, чтобы это последнее, будто написанное на роду, письмо выпадало случайно, как жребий — по судьбе.

Отложив саперную лопатку, Жилин неловкими пальцами развернул сложенный треугольником двойной лист из школьной тетрадки. Это было известие, блуждавшее третью неделю по следам солдата, что в бомбежку при налете немецких самолетов погибла его жена Фрося.

Жилин долго каменел над изогнутым листом, потом сунул его за ворот гимнастерки и, будто заторопившись куда-то, стал швырять земляное крошево из начатого окопа вверх, на бруствер. Он не заметил, как кончился чернозем и пошел гудящий могильный суглинок, как низко над полем встала багровая луна, перечеркнутая черным колосом, и пошла ночь, последняя перед боем...

В ту ночь, тихую и звездную,

объявную лунным сиянием всю холмистую равнину с изломистыми траншеями, провалами порушенных городов, Жилин на четвереньках выбрался из своего окопа, тяжело распрямился и долго стоял привидением на свежерытой пахучей земле, привалившей ржаные стебли с редкими, смутно белевшими колосками. Невысокий, с покатыми медвежьими плечами, в которых угадывалась заматерелая сила, он стоял лицом к луне, и его тень, уродливо перегнутая через холмик, обрывалась в зиявшем окопе. Руки были опущены, стоял он, подавшись вперед, в расстегнутой мешковатой гимнастерке. При лунном неверном свете были заметны складки морщин меж сдвинутыми бровями, из-под которых блестели неподвижные глаза.

Всквозном сиянии луны Жилин долго стоял без движения. Земля, будто качаясь, уходила из-под ног. С тупой непокорностью беде он силился устоять, удержаться на ногах. Машинально нащупал под гимнастеркой письмо. Перед глазами поплыли кривые строчки, написанные старческой рукой его отца. При свете луны строчки сливались, и солдат читал, спотыкаясь на каждом слове:

«Наша Фрося погибла в бомбежку, — писал отец. — Попала бомба в соседский двор, и в тот час была там Фрося. Пошла попытать сольцы хворому Мите, они еще ни разу в том не отказывали. Мальчишка весь заплосал и в сильном жару... Кричал по матери и спрашивал все, когда она придет... Теперь не отхожу от него и ночью караулю подать воды...»

Жилин передернул лист, ладонью провел по воспаленным, в холодной испарине векам, силясь дочитать письмо до конца.

«Ты про нас не горюй сильно, — плыли перед глазами строчки. — С внука теперь глаз не спущу, как оздоревает. А ты, сынок, добивай фашистов и живой вертайся домой. Немец

тут все порушил, кругом один разор. Фросю похоронили рядом с братской могилой...»

Жилин растерянно взглянул на звезды, наискось падавшие трассирующими пулями, потом шагнул в сторону, привалился на свежерытый холмик за окопом.

Ближе к полуночи небо стало покрываться плитами облаков. Между ними, то скрываясь, то медленно выплывая, высвечивая рваные края глыб, тихо шла луна. Из низины, со стороны высоты, которую предстояло занять утром, на ржаное поле потянул ночной ветерок. Но измятое поле, по которому прошли танки и пехота, не отзывалось обычным шуршанием спелых колосьев. Высокие былинки вздрагивали, говорили что-то безголово и молчали, качаясь.

В этой тишине, над великим покоем степи несмело подала голос перепелка. «Как же так, как же так?» — тихо встрепенулась птица. Смолкнув, потом, как после раздумья, ее голос раздался ближе, громче, будто спрашивал у людей от века неизменным волнующим криком: «Как же так, как же так?!»

Неожиданно где-то близко откликнулась пара перепелов, и гремящие ладные удары крепи, заполняли собою округу с далекими вспышками осветительных ракет. Вслушиваясь в близкий перепелиный бой, Жилин машинально нащупал ком сухой земли, еще хранившей тепло минувшего знойного дня. Он сжал теплую землю, глядя в звездное небо, различая с давней мальчишеской радостью в сенокос голос молодой перепелки, вопрошавшей одно, свое:

«Как же так? Как же так?..»

Зеленовато мерцающая звездами светлело предрассветное небо. Шли последние минуты перед боем за нашу русскую землю, горсть которой, словно боясь просыпаться, Жилин сжимал в своей руке.